

*Посвящается Жаку*

## ГЛАВА 1

Неуклонно-прямое шоссе бежало вдоль морского берега Санта-Моники, близ Голливуда, исчезая под колесами рокошущего «ягуара» Пола. Стояла расслабляющая жара, в воздухе пахло бензином и ночной мглой. Пол гнал машину на скорости сто пятьдесят миль. Как у всех, кто водит слишком быстро, у него был скучающий профиль, а на руках перчатки с искусно вырезанными дырочками на суставах — такие обычно носят супергонщики, — и эти руки, честно говоря, внушали мне легкое отвращение.

Меня зовут Дороти Сеймур, мне сорок пять лет, хотя по лицу этого никак не скажешь, ибо мою жизнь не особенно омрачали проблемы. Я сценаристка, притом небезуспешная, и пока еще очень нравлюсь мужчинам — возможно, потому, что они тоже мне нравятся. Я представляю собой

одно из тех ужасных исключений, которые позорят Голливуд: в двадцать пять лет добились оглушительного успеха, сыграв в интеллектуальном фильме; в двадцать пять с половиной прогуляла весь полученный гонорар, уехав в Европу с художником-леваком; в двадцать семь вернулась — совершенно неизвестной, без гроша в кармане, зато с несколькими судебными исками на руках — на родину, в Голливуд. Поскольку я была признана несостоятельной, иски положили под сукно до лучших времен, а меня решили использовать в качестве сценариста, ибо мое некогда прославленное имя больше не производило ровно никакого впечатления на неблагодарных зрителей. Это меня, скорее, радовало: автографы, фотографии и другие почести мне никогда не нравились. Я стала «Той, которая могла бы» (как некоторые индейские вожди). Кроме того, здоровье у меня отменное, воображение — богатое (за то и другое спасибо ирландскому деду), и, в конце концов, я заработала себе вполне приличную репутацию, сочиняя идиотские сюжеты цветных блокбастеров, которые вдобавок, к великому моему удивлению, весьма щедро оплачиваются. На-

пример, Р. К. В.<sup>1</sup> довольно часто снимает исторические фильмы по моим сценариям, и, бывает, ко мне является в ночных кошмарах Клеопатра, гневно восклицая: «Нет, моя милая, я ни за что не скажу Цезарю: „Входите, о властелин моего сердца!“»

Ну а в данный момент, то есть сегодня вечером, властелином моего сердца — или, как минимум, тела — должен был стать Пол Бретт, и я заранее зевала от скуки.

А ведь Пол Бретт очень хорош собой. Он представляет интересы Р. К. В. и различных кинокомпаний. А главное, элегантен, обаятелен и красив, как картинка. До такой степени, что Памела Крис и Луэлла Шримп — две самые знаменитые актрисы-вамп нашего поколения, которые разбивают на экране сердца и поглощают состояния богатых мужчин, не выпуская из зубов элегантных мундштуков, — одна за другой втюрились в него по уши, а после разрыва долго проливали слезы. В общем, у Пола славное прошлое. Но этим вечером, разглядывая его, я видела, даже в данных обстоятельствах, всего лишь заурядного блондинчика. Притом блондинчика соро-

---

<sup>1</sup> *Р.К.В.* — название вымышленной кинематографической компании. (Здесь и далее примеч. перев.)

калетнего. Что само по себе действовало угнетающе. Однако приходилось сдаваться: после целой недели букетов, телефонных звонков, многозначительных намеков и совместных выходов в свет женщина моего возраста просто обязана уступить, — по крайней мере, так у нас здесь принято. День X настал: мы мчались на скорости сто пятьдесят миль к моему скромному жилищу, было уже два часа ночи, и я с горечью размышляла о важности сексуальных контактов в отношениях индивидуумов. Мне хотелось спать. Но мне уже хотелось спать и накануне, и три дня назад, теперь я больше не имела права на эту отговорку. Совершенно ясно, что вместо прежнего сочувственного: «Ну конечно, я понимаю, лапочка!» — я неизбежно услышу от Пола: «Дороти, что происходит, нука, рассказывай все как есть...» И значит, меня ждет приятная перспектива вытащить лед из холодильника, найти бутылку скотча в буфете, протянуть Полу бокал, весело позванивая ледышками, а потом разлечься в изящной позе à la Полетт Годар на широком диване в гостиной. И тогда Пол подойдет ко мне, обнимет, а *после* глубокомысленно изречет: «Это должно

было произойти, не правда ли, детка?»  
Ну конечно, должно было, куда деваться...

И тут я испустила скорбный вздох.  
А Пол — сдавленный крик.

В свете фар, возникнув словно безумец или, скорее, одно из тех растрепанных соломенных пугал, что торчат на французских полях, к нам кинулся какой-то человек. Должна признать, тут мой блондинчик проявил потрясающую реакцию. Он круто затормозил и бросил машину на правую обочину вместе со своей прекрасной пассажиркой — это я о себе. В результате я очнулась, после серии странных видений, носом в траве и, что самое странное, с сумкой в руке — обычно я всюду ее забываю. (До сих пор не знаю, какой рефлекс заставил меня вцепиться в этот ридикюль за миг до того, что могло стать моим последним вздохом.) Но как бы то ни было, я услышала голос Пола, зовущего меня со страхом (который мне даже польстил), поняла, что он жив, вполне успокоилась и снова закрыла глаза. Безумец не пострадал, я невредима, Пол тоже. С учетом грядущих формальностей, нервного потрясения и так далее у меня появился реальный шанс выспаться сегодня в оди-

ночестве. Я прошептала умирающим голосом: «Все в порядке, Пол» — и поудобнее уселась в траве.

— Слава богу! — вскричал Пол, он обожал такие старомодные романтические выражения. — Слава богу, ты цела, дорогая! А я уж подумал...

Не знаю, что он там подумал, но в этот миг раздался адский грохот, и мы, сцепившись в каком-то безумном объятии, откатились метров на десять от нашего кювета. Наполовину оглохнув, почти ослепнув и слегка разозлившись, я вырвалась из рук Пола, вскочила и увидела ярко пылающий «ягуар». Пылающий, как факел, — в интересах Пола я понадеялась, что этот факел застрахован на очень солидную сумму. Его хозяин тоже встал на ноги.

— О господи! — воскликнул он. — Это бензин...

— А что же еще там могло взорваться? — спросила я с легким раздражением.

Но тут мне вспомнился давешний безумец. А вдруг он сейчас тоже пылает вместе с «ягуаром»? Я вскочила, попутно отметив, что у меня поехали петли на обоих чулках, и рванула к машине. Пол бежал за мной. На шоссе распростерлась

продолговатая тень — вдали от огня, но неподвижная. Сначала я заметила только темные волосы — в пламени пожара они выглядели рыжеватыми; потом, осторожно перевернув упавшего, увидела мужское лицо, казавшееся совсем юным.

Постарайтесь меня понять. Я никогда не любила, не люблю и не буду любить очень молодых мужчин — в Европе таких зовут «котятa». Возрастающая мода на них — между прочим, в кругу многих моих подруг — всегда казалась мне странной. Почти фрейдистской. Юнцам, от которых еще пахнет материнским молоком, не место в объятиях дам, от которых пахнет виски. И однако, это лицо, возникшее передо мной на шоссе, в зареве пожара, еще совсем юное, но уже определившееся в своей безупречной красоте, внушило мне какое-то непривычное чувство: хотелось одновременно и бежать прочь от этого человека, и обнять его, убаюкать. А ведь я отнюдь не страдаю никакими комплексами мамыши-наседки: моя единственная, некогда обожаемая дочь живет в Париже, в счастливом браке, с кучей детишек, которых пытается сбaгрить мне летом всякий раз, как я собираюсь пожить с месяц



на Ривьере. Слава богу, я редко путешествую одна и потому легко оправдываю отсутствие материнского инстинкта светскими приличиями. Но вернемся к нынешней ночи и к Льюису (ибо нашего безумца, или соломенное пугало, или попросту человека с этим прекрасным лицом, лежавшего без сознания, звали Льюисом): с минутой я в оцепенении смотрела на него, даже не приложив руку к его сердцу, чтобы проверить, жив ли он. Мне почему-то казалось, что это абсолютно не важно — жив он или мертв. Это было совершенно необъяснимое чувство — позже мне пришлось горько пожалеть о нем, но не в том смысле, в каком вы думаете.

— Кто это? — строго спросил Пол.

Если у наших голливудских деятелей и есть какая-то выдающаяся черта, то вот она — маниакальное желание знать или узнавать всех встречных-поперечных. Пол находил крайне неприятным тот факт, что он не может назвать по имени юношу, которого чуть не угробил на шоссе среди ночи. Я уже занервничала всерьез:

— Пол, мы же все-таки не на коктейле! Как ты думаешь, он не ранен?.. Ой!..

Темная жидкость под головой незнакомца и на его руках оказалась кровью. Я сразу поняла, что это, по густоте, липкому касанию и какому-то зловещему теплу. Пол увидел ее одновременно со мной.

— Но ведь я его даже не задел! — воскликнул он. — Я в этом просто уверен! Наверно, при взрыве его ранило обломком крыши.

Он встал. Голос у него был спокойный, уверенный, и я начала смутно понимать причину горьких слез Луэллы Шримп.

— Побудь здесь, Дороти, я иду звонить.

И он решительно зашагал к черным силуэтам домов, видневшимся вдали. А я осталась на шоссе одна, стоя на коленях подле этого человека, может быть умирающего. Он вдруг открыл глаза, посмотрел на меня и улыбнулся.

## ГЛАВА 2

– Дороти, ты совсем с ума сошла?

Господи, до чего же трудно отвечать на вопросы такого рода! Мало того, этот исходил от Пола; сегодня он был в темно-синем блейзере и сурово взирал на меня. Мы сидели на террасе моего дома, и я щеголяла в одежде для садовых работ — старые холщовые штаны, поблекшая блуза в цветочек и повязка на голове. Только не подумайте, что я хоть раз в жизни занималась садоводством — от одного вида секатора меня охватывает дрожь, — просто мне нравятся переодевания. Вот почему каждый субботний вечер я, как и мои соседи, преображаюсь в прекрасную садовницу, но, вместо того чтобы одержимо стричь траву газонокосилкой или выпалывать строптивые сорняки на клумбах, полеживаю с шести до восьми на террасе, в шезлонге, с большим стаканом виски

и книгой под рукой. Именно в этой позиции меня и застукал Пол. Я чувствовала себя бездельницей и замарашкой, то есть испытывала сразу два угрызения совести, почти равных по силе.

— Тебе известно, что в городе все только и говорят о твоей последней выходке?

— Ну уж и все... — пробормотала я недоверчиво и вместе с тем скромно.

— Объясни мне, бога ради, что этот мальчишка делает в твоём доме?

— Он... э-э-э... выздоравливает, Пол, он просто выздоравливает. У него же сильно повреждена нога. А ты прекрасно знаешь, что у мальчика нет ни денег, ни родных, ровно ничего...

Пол испустил глубокий вздох:

— Дорогая, вот именно это и тревожит меня больше всего. Особенно учитывая тот факт, что твой битник был буквально напичкан ЛСД, когда бросился под мою машину.

— Но послушай, Пол, он же сам все тебе объяснил. Под влиянием своих легких наркотиков он просто не сориентировался, не увидел твою машину — он принял ее фары за...

Пол вдруг побагровел от гнева:

— Мне плевать, за что он их принял! Этот идиот, этот мелкий жулик чуть не угробил нас обоих, а ты уже назавтра поселяешь его у себя в комнате для гостей и носишь еду в койку. А что, если в один прекрасный день он примет тебя за цыпленка или еще бог знает за кого и перережет тебе горло? Или сбежит, прихватив твои украшения?

Тут уж я возмутилась:

— Ну, знаешь ли, Пол, до сих пор меня еще никто не принимал за цыпленка! Что же касается моих украшений, то они и слова доброго не стоят, на них не разживешься. Не могла же я оставить его на улице, да еще раненого!

— Да, но ты могла оставить его в больнице.

— Она показалась ему очень уж мрачной, и, должна признать, он был совершенно прав.

Пол вздохнул и с видом жертвы уселся напротив меня в плетеное кресло. Мало того, он машинально схватил мой стакан и наполовину осушил его. Все это меня безумно раздражало, но я его не остановила — он явно был глубоко взволнован.

Выпив, он бросил на меня какой-то странный взгляд:

— Ты что, работала в саду?

Я усердно закивала. Интересно отметить: почему некоторые мужчины всегда вынуждают вас лгать им? Вот мне, например, ни за что не удалось бы объяснить Полу, какими безобидными делами я занимаюсь по субботам. Он попросту счел бы меня ненормальной, и я уже начала спрашивать себя: может, он отчасти прав?

— Что-то непохоже! — заметил он, обзрев мой сад.

Н-да, этот злосчастный клочок земли и впрямь скорее напоминал джунгли. Тем не менее я изобразила глубокую обиду:

— Я стараюсь как могу.

— А что у тебя в волосах?

Я провела рукой по своей шевелюре, сняла на ощупь две-три тоненькие белые деревянные стружки и с недоумением посмотрела на них.

— Похоже, это стружки.

— Я и сам вижу, что стружки, — едко заметил Пол. — Кроме того, их полно и на земле. Неужели наряду с садоводством ты еще и столярничаешь?

В этот миг очередная легонькая стружка спланировала с неба ему на голову. Я подняла глаза, и меня осенило.

— Ах вот что, теперь все ясно! Там Льюис выстругивает головку из куска дерева, прямо на кровати, это его развлекает.

— И притом так вот запросто выбрасывает стружки из окна? Какая прелесть!

Теперь я тоже слегка занервничала. Может, мне и впрямь не следовало поселить Льюиса у себя, но если вдуматься, я оказала ему гостеприимство из жалости, на время и без всякой задней мысли. А Пол не имел на меня никаких прав. И я решила довести это до его сведения. Но он ответил, что имеет на меня все права, какие любой здравомыслящий мужчина имеет на легкомысленную женщину, в частности право ее защищать, ну и прочие банальности... Мы поспорили, и он уехал разъяренный, бросив меня в моем плетеном кресле умирать от усталости, да еще с теплым виски.

Было шесть часов; на лужайке, заросшей сорняками, уже пролегли вечерние тени, а впереди маячил пустой вечер, поскольку свара с Полом лишила меня *party*, куда нам предстояло отправиться вдвоем.

На мою долю только и оставалось что телевизор, как правило наводивший на меня скуку, да невнятное бурчание Льюиса в ответ на принесенный ему наверх ужин. Я еще никогда не встречала настолько неразговорчивое существо. Он выразился внятно только один раз — когда объявил о своем решении покинуть больницу после несчастного случая и принял как должное мое гостеприимство. В тот день я была в прекрасном настроении, даже, наверно, чересчур прекрасном (что, слава богу, случается довольно редко), когда все люди кажутся вам братьями и одновременно вашими детьми, которых нужно опекать. Вот я и опекала Льюиса с того самого дня, как он покинул больницу, — опекала и кормила, пока он лежал, томно раскинувшись на кровати, с ногой в повязке, которую менял сам. Он не читал, не слушал радио, не разговаривал. Только время от времени вырезал какие-то причудливые фигурки из сучьев, которые я подбирала в саду и приносила ему. Или же подолгу с бесстрастным видом смотрел в приоткрытое окно. Иногда я спрашивала себя: может, он попросту слабоумный? — и эта мысль в сочетании с его красотой казалась мне ужасно



романтической. Что касается моих робких расспросов о его прошлом, о жизни, о планах на будущее, я неизменно получала один и тот же ответ: «Это неинтересно». Он оказался на шоссе перед нашим автомобилем, ночью, его зовут Льюис, вот и все. Честно говоря, меня это вполне устраивало: одному богу известно, как утомительны рассказы о чужой жизни, а люди, как правило, считают своим долгом делиться со мной своими проблемами.

Итак, я пошла в кухню, наскоро сварганила изысканный ужин — в основном из консервов — и поднялась на второй этаж. Постучав в дверь Льюиса, я вошла и поставила поднос на его кровать, засыпанную деревянными стружками. Вспомнив ту, что спланировала Полу на голову, я начала смеяться. Льюис поднял на меня удивленные глаза. Они у него были чуточку раскосые, с кошачьим разрезом, очень светлого голубовато-зеленого цвета, в черных ресницах, и я машинально в который раз подумала, что «Коламбия»<sup>1</sup> наверняка дала бы ему роль только ради одного этого взгляда.

---

<sup>1</sup> «Коламбия Пикчерз» — крупная американская кино- и телекомпания.

— Почему вы смеетесь?

У него был тихий, чуть хрипловатый, запинаящийся голос.

— Смеюсь, потому что одна из ваших стружек слетела на голову Пола отсюда, из окна, и он ужасно возмутился.

— Ему было очень больно?

Я изумленно воззрилась на Льюиса. Это была первая шутка из его уст, — по крайней мере, я надеялась, что он шутит. Я глупо хихикнула, но мне тут же стало не по себе. В конце концов, Пол был абсолютно прав. Что я тут делаю — в компании явно ненормального юного бродяги, в доме на отшибе, в этот субботний вечер, когда мне полагалось бы танцевать и веселиться с друзьями? Там я даже могла бы слегка пофлиртовать с милягой Полом или с кем-нибудь еще...

— Вы сегодня никуда не едете?

— Нет, — с горечью ответила я. — Надеюсь, я вам не мешаю?

И тут же пожалела о сказанном. Мой вопрос противоречил всем законам гостеприимства. Однако в ответ Льюис рассмеялся — детским, искренним, радостным смехом. И этот смех внезапно преобразил его, напомнив, как он молод и простодушен.

— Вы очень скучаете?

Этот вопрос застал меня врасплох. Можно ли вообще знать, как ты скучаешь — очень, или немного, или вообще неосознанно, — в этой странной неразберихе, называемой жизнью?! И я ответила, как добропорядочная мещанка:

— Мне некогда скучать, я работаю сценаристкой в R. K. V., и меня...

— Это вон там?

И он мотнул головой влево, туда, где слабо мерцала бухта Санта-Моники, Беверли-Хиллз, обширное предместье Лос-Анджелеса, со всеми его студиями и цехами, которые город принимал под свое крыло с одинаковым высокомерным презрением. Может, «презрение» — слишком сильное слово, но это хуже, чем безразличие.

— Да, там. Этим я зарабатываю на жизнь.

Мне опять стало не по себе. А все из-за этого незнакомца: стоило мне поговорить с ним каких-нибудь три минуты, и я почувствовала себя ничтожеством, более того, бесполезным ничтожеством. Ибо, если вдуматься, что мне давало это идиотское занятие, кроме кучки долларов, которые я каждый месяц получала и каждый же

месяц тратила? С другой стороны, почему я должна чувствовать себя виноватой из-за этого бездельника, наверняка неспособного заработать хоть цент и подсевшего на ЛСД?! Нет, я, конечно, не против такого рода снадобий, но мне не нравится, когда из своих вкусов выстраивают философию, притом почти всегда проникнутую презрением к тем, кто ее не разделяет.

— Зарабатывать на жизнь, — задумчиво повторил он. — Зарабатывать на жизнь...

— Да, нынче это модно, — иронически ответила я.

— Какая жалость! Вот мне хотелось бы жить во Флоренции в те времена, когда там было полно людей, содержавших бедняков — просто так, даром.

— Эти люди содержали скульпторов, или художников, или писателей. Вы владеете каким-нибудь из этих искусств?

Он покачал головой:

— Может, они просто поддерживали людей, которые им нравились, — ни за что, даром.

Я разразилась циничным смехом в духе Бетт Дэвис<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> *Бетт Дэвис* (1908–1989) — легендарная американская актриса, двукратная обладательница премии «Оскар», игравшая, как правило, «роковых» женщин.